

Сигизмунд КРЖИЖАНОВСКИЙ

ПОЭТОМУ

I

Поэт не понимал "поэтому". "Поэтому" отвергало поэта. Отвергнутый положил: голову в ладони, локти на стол, "поэтому" меж локтей:

"...Пишу Вам в последний раз. Вы поэт и всё равно ничего не поймёте, поэтому возвращаю кольцо и слово, Ваша ("Ваша" -- перечёркнуто) М."

Рядом с письмом на столе, жаля глаза, лежало свернувшееся жёлтой змейкой кольцо. "Поэтому", писанное тесно-сжатыми остроконечными буквами, не принимало -- ни кольца, ни поэта. Поэт же продолжал не понимать "поэтому".

Закрыв глаза: исчезло. Открыл: опять _оно_. Болезненно шевельнув пальцами, поэт втолкнул "поэтому" в конверт; сверху притиснул книгой. Распахнул окно. Белесая ночь. Прямо против глаз -- чёрные и жёлтые окна. Будто бусины по чёточной нити, протянулись по извивам улицы круглые фонарные огни. Ночь не раз говорчива: постучит по камням колёсным ободом. Бросит. Породит звук спешного шага. Уведёт шаг прочь.

Было тихо, но поэт, насторожившись, слушал. И отовсюду: и из близких близк, и из далёких далёк возникало поэту лишь слышимое шуршание. В шуршании, поначалу слиянном и внятном, вслушиваясь, можно было различить стальные прискрипы и шершавые шумы немолчно трущихся о скользкие поверхности каких-то остриев. Поэт знал: это были шумы мириад перьев и миллионов карандашных графитов, рышущих по бумажным листам: по всей земле, и в близко и в далёке, за стёклами окон, за толщами стен, в полутьме и у жёлтых ламп и свеч -- писали, писали, писали. Не шевелясь, боясь толчком дыхания развеять шелест прорастающих строк, поэт внимал, окунув ухо в законную тьму. Это делалось слышимым, он знал, всегда перед тем, как... Пришло. Пальцы, будто сведенные спазмом, сжали меж ногтей дерево ручки.

Перо, глотнув чернил, хищно ткнулось расщепом в тетрадь. На тетради -- надпись: Сонеты Весне.

Возникало:

Поэт, о Музе не скорби:
Она придёт. Она не... --

по строчке дёргалось перо: за пером, еле поспевая, прыгал с буквы на буквы глаз. Когда перо было уже во второй строчке, глаз ещё складывал:

-- Поэт о Му...: "о" слиплось с "му" и подползло к "поэт": поэтому.

Перо выпало из пальцев, и вместо предошущавшейся рифмы у конца второй строки кляпнулась клякса.

-- Вздор, -- прошептал поэт и снова овладел пером. Но как он ни вслушивался в ночь, того, знакомого, таинственного, толкавшего в ритмы и рифмы шороха он больше не слышал.

Холодный и влажный воздух назойливо лип к лицу. Вдалеке взвыла пароходная труба. Поэт прикрыл окну створы. Разделся. Щёлкнул выключателем.
-- Спать.

II

"Поэтому" лежало в левом кармане пальто. Глаза у поэта были наполнены, по самые ободки радужных оболочек, лучами -- бликами -- нимбами. Письмо забылось. Но, когда, прижавшись грудью к стволу сосны, поэт потянулся рукою к игольной ветке, и вдруг -- острые буквы "поэтому", придавленные корою